

CHRONICA · I

FERRVM

LABOR OMNIA VINCIT IMPROBUS, SED NIHIL MUTAT.

A Z K A V A R

18+

Azkavar

Ferrum

«АВТОР»

2026

Azkavar

Ferrum / Azkavar — «Автор», 2026

Labor omnia vincit improbus, sed nihil mutat. Труд упорный всё побеждает, но ничего не меняет. Мир умер не сразу. Сначала исчезла вера. Затем надежда. Потом пришёл конец — растянутый на поколения войн, падения империй и забвения. Среди руин погибших эпох человек продолжает свой путь, не зная, что скоро столкнётся с тайнами, которые человечество пыталось похоронить вместе с прошлым. Потому что есть вещи, которые лучше было оставить забытыми.

© Azkavar, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Azkavar Ferrum

Глава 1

Железо не прощает сомнений. Слабый удар — металл остынет, промах — заготовка испорчена. В кузнице всегда один и тот же запах: угольная пыль, окалина и запах кожного фартука. Снова взлет молота. Каждый удар отдается в плече тупой болью.

Наковальня была старше деревни. На боку чернела выщербина — старый след, происхождение которого никто уже не помнил. Свежего железа здесь давно не видели. В работу идут обломки прошлого: сточенные до обуха ножи, лопнувшие обода, ржавый хлам. Чтобы выковать один наконечник для рогатины, приходится перебирать горы мусора. Здесь истина проста: сталь не рождается из блеска, она рождается из грязи и терпения.

Поселение задыхалось среди истощенных полей, которые с каждым годом рожали больше камней, чем хлеба. Со стороны гор подступал лес — черный и жадный, словно выжидающий.

Оно приткнулось у подножия горы, чьи склоны уходили в облака. Скалы напоминали изъеденный временем хребет мертвеца, выступающий из земли. Гора не защищала от ветра — она лишь напоминала о том, насколько все вокруг мертво и неподвижно.

Вдоль тропы теснились несколько покосившихся лачуг, сгрудившихся вокруг высохшего, забитого камнями колодца. Стены домов, сбитые из изъеденного дерева, едва держались, скрепленные смесью из дорожной пыли, соломы и грязи. Время и сырость превратили дерево в труху, которая крошилась под пальцами, а крыши большинства строений давно просели внутрь. Зияющие дыры в кровле были наспех заткнуты лоснящейся от жира и копоти ветошью, которая бессильно хлопала на ветру.

Жителей осталось двенадцать. Старики — желтая кожа, натянутая на острые скулы, и суставы, похожие на грубые наплывы шлака. Они не живут, а просто дотлевают, вцепившись в свои лачуги. Изабель — единственное, что удерживало здесь жизнь. Она знала цену каждому стеблю, способному прорасти сквозь отравленную почву; ее пальцы, вечно темные от сока горьких трав, ежедневно латали то, что время и голод разрывали на части. Изабель кормила деревню сказками о воителях и свете, пока реальность вокруг гнила в тишине. На каждое ее слово звучал удар молота — с каждым разом все громче.

Ее сказки казались мягкими, как несбывшийся сон, но молот парня бил честнее — как удар по зубам. Он вбивал сталь в тишину, пока звон в ушах не заглушил чужой голос. В этом месте выживало только твердое и холодное.

Бастиан, слыл кузнецом, хотя от его ремесла осталось одно лишь название. Он казался частью умирающего пейзажа — таким же надломленным, как почерневшие бревна кузницы. Когда он ковылял от горна к верстаку, волоча левую ногу, хотелось отвернуться. Трудно искать героев в преданиях Изы, когда перед глазами — живое доказательство того, что время творит с людьми.

За Бастианом водились странности. В лесу он никогда не ступал туда, где почва могла просесть, и никогда не подставлял спину открытому пространству. Бывало, кузнец часами молча всматривался в кривые наконечники рогатин, словно видел в ржавом железе то, что оставалось скрытым для других.

Парень стоял у края навеса, глядя на проулок. Серая мгла зацепилась за проваленные крыши. Воздух был неподвижен, пропитан запахом прелой соломы и застарелой гари — дыханием места, которое разучилось жить и теперь медленно остывало.

Сухое постукивание дерева о камень вырвало его из оцепенения. Он не оборачивался. Этот ритм впечатался в память слишком глубоко: хромой шаг, тяжелый упор на посох, короткая пауза. Отец.

Бастиан замер в нескольких шагах. От него веяло остывшим железом и застарелым потом.

— Авре, — его голос прозвучал как треск сухой коры. — Пустые ведра сами не наполнятся. Живо к реке.

Парень посмотрел на его узловатые пальцы, сжимавшие дубовое навершие. В его тоне не было злости — только сухая необходимость. Спорить с Бастианом было так же бесполезно, как пытаться согреться у горна, в котором третий день не было угля.

Дужки ведер, ледяные и скользкие от сырости, привычно рванули плечи вниз, к самой грязи. Сделав несколько шагов, Авре не удержался и обернулся.

Бастиан уже забыл о нем. Он сидел на обрубке бревна у входа в кузницу, положив посох на колени. В его руках покоился старый косарь с выщербленным лезвием. Бастиан взял точильный камень.

Звук пошел сразу — резкий, скрежещущий, будто металл сопротивлялся самой попытке вернуть его к жизни. Бастиан работал короткими, выверенными движениями. Авре заворожено смотрел на его кисти: в них не было и капли той дрожи, что била стариков-соседей над миской похлебки. Пальцы смыкались на стали мертвой хваткой, а плечи под ветошью рубахи расправились, образуя жесткую, прямую линию. Искр не было — сталь была слишком старой и тупой, — но сам ритм работы внушал безотчетный страх. Так не работают калек. Так не работают те, кто смирился.

— Не стой, Авре, — бросил он, не поднимая головы.

Голос был тихим, но перекрыл скрежет камня. Бастиан не смотрел в сторону парня, но каким-то образом почуял взгляд. Авре резко отвернулся и зашагал к реке, чувствуя, как внутри ворочается липкое беспокойство. Кузнец, хромой старик с посохом, в эту секунду казался опаснее лесных тварей, которыми Иза пугала Авре в детстве по ночам.

Бастиан никогда не тратил воздуха на длинные слова. Для него, как и для всей деревни, парень был просто Авре — коротким, обрубленным звуком. Это короткое имя подходило к засаленной рубахе и вечно грязным рукам. Оно было таким же невзрачным, как и сами руины вокруг.

Но под наслоениями гари и пыли скрывалось иное. Аврелас.

Это полное имя парень носил как тайный, почти постыдный груз. Его мать словно спрятала его под грубой оболочкой. В этом имени слышался ритм, чуждый этим местам, — отголосок мира, который еще не успел окончательно умереть. Авре было тем, кем он казался. Аврелас — тем, кем он был.

Юноша вырос среди этих серых теней еще до того, как в его жизни появился Бастиан. Кузнец пришел из внешней пустоты, принес с собой запах гари и тяжелую хромоту. Война, с которой он вернулся, оставалась для парня чем-то безликим — далекой стихией, которая высасывает из мира все живое, оставляя после себя лишь калек и ржавое железо.

Представление Авре о войне не имело ничего общего с преданиями Изы. В их кузнице никогда не ковали щитов или мечей. Горн принимал лишь обломки лемехов и гнутые гвозди, которые Бастиан бесконечно перерождал в грубые копалки. Для кузнеца война была вором: она забрала из мира добрую сталь, оставив деревне лишь ржавый мусор.

Свой лук из ясеня парень смастерил сам. В месте, лишенном иного оружия, самоделка давала шанс не сдохнуть с голоду. Лук не годился для подвигов, но позволял добыть ворону или тощего зайца. Владение им не было предметом гордости — лишь инструментом выживания, таким же обыденным, как умение развести костер в сырую погоду.

Дорога к реке пролежала мимо погоста, где серое крошево камней медленно тонуло в земле. Авре привык к тишине мертвецов. Остановившись, чтобы перехватить ведра, он посмотрел на свои ладони. Пальцы одеревенели от мозолей, набитых тетивой и молотом.

Авре вспомнил, как утром Бастиан передавал ему кружку. Кузнец не просто протянул ее — он контролировал все пространство вокруг. Локоть прижат к ребрам, свободная рука открыта, готова перехватить удар или нанести его. Авре видел это сотни раз, но только сейчас осознал: отец двигался как хищник, запертый в теле калеки.

Берег встретил холодом. Вода была темной, почти черной. Авре неторопливо черпал ее, когда на опушке, у самого края леса, мелькнуло пятно. Заяц. Крупный, с клочковатой шерстью и впалыми боками. Мясо. Авре привычно поправил ремень лука. Две стрелы с костяными наконечниками сухо стукнули в колчане.

Зверь уводил его вглубь, через павшие ели. На склоне Авре остушился — нога ушла в рыхлую прель под вывернутым корнем. Он выругался, выдернул ногу и замер. Под слоем хвои светлел край бруса.

Парень разгреб землю. В яме не было сокровищ — только железо, проигравшее войну времени. Проржавевшая кольчуга слиплась в рыжий ком, рассыпавшийся под пальцами. Рядом — дырявый панцирь, изъеденный кавернами. На самом дне лежал меч в разошедшихся ножнах. Кожа на рукояти истлела, гарда поросла налетом. Мусор, который Бастиан не смог выбросить, но и не решился держать в доме. Прошлого здесь было больше, чем стали.

Хруст ветки заставил Авре вскинуть голову.

Запах псины пришел вместе с тенью. Волк вышел из-за ели — истощенный, со свалывшейся шкурой и выпирающими ребрами. Зверь не рычал, экономя силы. В его желтых глазах не было безумия, только расчетливый голод.

Авре медленно потянулся к тетиве, но волк не стал ждать.

Он бросился молча. Авре успел вскинуть лук, используя его как шест, но вес зверя сбил парня с ног. Он рухнул в яму, прямо на острые края отцовского панциря. Железо больно впилося в лопатки.

— Прочь! — прошипел парень, задыхаясь.

Пасть щелкнула в ладони от горла. Авре подставил предплечье. Зубы вошли глубоко: сухой хруст, вспышка боли, горячая кровь. Вскрикнув, парень лихорадочно зашарил по дну ямы. Пальцы сомкнулись на рукояти меча. Он рванул его, но клинок намертво застрял в разбухших ножнах. Авре не стал тратить секунды — перехватил меч за ножны обеими руками и, извернувшись под тяжестью волка, ударил набалдашником эфеса ему в висок.

Удар вышел глухим. Волк взвизгнул, разжал челюсти и отлетел в сторону.

Аврелас выкатился из ямы, прижимая окровавленную руку к груди. Кровь была густой, она быстро темнела на рукаве. Зверь стоял в трех шагах, припав на передние лапы. Его шатало, из уха текла струйка крови, но он все еще смотрел на добычу. Волк не уходил — он ждал, когда парень ослабнет.

Он снова схватил меч, используя его теперь как опору. Железо лязгнуло о камни. Волк сделал ложный выпад. Авре качнулся, едва не потеряв равновесие, и инстинктивно взмахнул тяжелыми ножами. Хищник отпрянул, почуяв что-то твердое и опасное.

— Пошел!

Авре начал отступать к реке. Спина горела от ссадин, каждый шаг отзывался пульсацией в прокушенной руке. Волк следовал за ним тенью, сохраняя дистанцию. Он ждал, когда человек споткнется.

Лес начал редеть. Впереди показалась река.

У самой кромки он замер. Сил идти дальше с мечом и раненой рукой не осталось. Он зашел в воду по лодыжки; холод обжег кожу. Волк застыл на берегу. Зверь не любил воду,

особенно когда добыча огрызалась железом. Секунда тянулась вечность. Наконец волк коротко рыкнул, развернулся и скрылся в подлеске. Он выбрал жизнь, а не ужин.

Авре рухнул на колени прямо в мелководе. Опустил руку в поток — прозрачная струя мгновенно окрасилась алым. Парень посмотрел на меч: ржавчина, гнилая кожа, чужая кровь. Теперь он знал секрет отца, и этот секрет стоил ему куска плоти.

Нужно было возвращаться. Бастиан увидит рану. Поймет, где был парень. Тишина в кузнице сегодня будет особенно тяжелой.

Авре шел к дому Изы, зажимая предплечье и волоча меч. Старые ножны скребли по сухой траве. Ведра остались там, у черной воды. Сейчас его мир сузился до пульсации боли и веса стали.

Бастиан ждал у кузницы. Его посох глубоко ушел в мягкую землю, костяшки пальцев побелели. Он смотрел, как сын проходит мимо, не оборачиваясь. Видел ржавый металл, который Авре сжимал мертвой хваткой. Кузнец не проронил ни слова. В тишине деревни слышался лишь шаркающий шаг и скрежет ножен о камни.

Иза открыла дверь прежде, чем Авре успел коснуться досок. В лицо ударил запах полыни и старого жира.

— Клади это на пол, — она кивнула на меч.

Меч глухо ударился о дерево. Только теперь Авре почувствовал, как сильно его бьет дрожь.

Старуха работала быстро: срезала рукав, обнажая серо-синие рваные дыры. В тусклом свете лампы раны казались глубокими колодцами. Иза взяла костяной скребок и принялась вычищать грязь и шерсть. Авре зажмурился, впиваясь ногтями в лавку.

— Кость целая, — бросила она, накладывая вязкую мазь. — Но мясо будет заживать долго. Волк был просто голоден. Дурной крови в нем не видеть, но лихорадка все равно свое возьмет.

Она туго стянула руку льном. Повязка мгновенно потемнела.

— Забирай свое железо и уходи. Бастиан не спускает глаз с моей двери.

Авре поднял меч. Теперь оружие казалось неподъемным. Он вышел на улицу, где сумерки уже превратили деревню в скопление серых теней.

Бастиан все еще стоял у кузницы. Когда Авре подошел, отец перехватил посох, словно для удара, но лишь указал им на меч.

— Я нашел это в лесу, отец. — Авре протянул оружие рукоятью вперед. Это был жест признания и просьбы одновременно.

Бастиан взял меч. Не разглядывая, он просто задвинул его за пояс фартука, как обычный молоток.

— С такой рукой ты его не удержишь, — бросил он. — Иди в дом.

Опершись на посох, кузнец направился к реке. Ему все еще нужна была вода, и он шел за ней сам, преодолевая хромоту. Аврелас смотрел ему в спину. В фигуре кузнеца не было ничего героического — просто старый калека, уходящий в сумерки с ржавым куском железа.

В доме пахло остывшей золой и старым деревом. Авре лег на лавку, не раздеваясь. Рана пульсировала в такт сердцу. Лихорадка подступила быстро — сначала легким ознобом, затем тяжестью в затылке. Сон пришел тяжелый, без образов.

Он проснулся под утро, когда свет за окном был еще серым. Из кузницы доносился скрежет. Авре сел; левая рука отекала, но пальцы слушались.

Бастиан сидел у точила. Он медленно вращал круг, прижимая клинок к камню. Искры летели на кожаный фартук. Он не перековывал меч — он снимал с него ржавчину, готовя металл к правке. Слой за слоем уходила рыжая грязь, обнажая серую, изъеденную язвами сталь. Режущая кромка клинка шла волнами.

Бастиан не оборачивался.

— Раздувай горн, — бросил он. — Надо выправить полосу. На холодную лопнет.

Авре подошел к мехам. Кожа сухо заскрипела, выталкивая воздух в угли. В кузнице стало жарко. Бастиан выхватил клинок из горна. Сталь не сияла — она оставалась тусклой, цвета застоявшейся крови. Металл не искрился в углях; он словно всасывал в себя жар, оставаясь темным даже в самом сердце пламени.

— Бей, — приказал Бастиан.

Авре опустил молот. Удар заставил его вздрогнуть. Это не был привычный чистый звон. Металл отозвался утробным, захлебывающимся гулом, который прошел сквозь рукоять и отозвался в локтях. Казалось, под бойком не сталь, а плотная кость, которая сопротивляется с тихой, злобной силой.

С каждым ударом гул становился отчетливее. Он напоминал хрип человека, пытающегося говорить через перерезанное горло. Вибрация передавалась в раненую руку. Ожог под бинтами запульсировал, а в голове на мгновение вспыхнул чужой образ: холодный дождь, вкус меди во рту и прерывистое дыхание над самым ухом.

Бастиан работал молча, но его движения стали дергаными. Он правил полосу, почти не глядя на нее, словно боялся увидеть в бликах что-то лишнее.

— У него странный голос, — выдохнул Авре, вытирая пот. — Металл так не звучит.

— Сталь помнит все, через что прошла, — отрезал Бастиан, не поднимая глаз. — А эта сталь видела слишком многое. Не слушай ее, парень. Просто бей, пока она не станет прямой.

Когда закончили, клинок остывал неестественно долго. Темнота вокруг него будто сгустилась, а каверны, оставшиеся от ржавчины, теперь напоминали старые, плохо зажившие шрамы. Авре не решился коснуться клинка без клещей. Чужая, холодная мысль обожгла сознание: приложи он ладонь к этой стали, она не просто обожжет — она узнает его.

— Завтра пойдешь в лес за новым топорищем. Рука должна привыкнуть к нагрузке. — Кузнец посмотрел на окровавленную повязку. — Мертвецам сталь не нужна.

Глава 2

Утро было холодным. Лихорадка отступила, оставив после себя липкую слабость и звон в ушах. Бастиан не дал ему хлеба. Вместо этого вручил топор и указал на стену леса.

— Найди вяз. Молодой, в локоть толщиной.

Бастиан не смотрел на повязку парня.

Авре двинулся в сторону чащи. Каждый шаг отзывался в левом предплечье тупой, давящей болью. Топор за поясом мешал идти: тяжелая железка то и дело съезжала, оттягивая штаны, и грубая веревка больно врезалась в тазовую кость. Парень на ходу пытался сдвинуть обух подальше назад, но узел только сильнее затягивался на поясице. У реки было тихо. Вода казалась густой и черной. Парень замер, прислушиваясь. Лес молчал — слышно было только, как под рубахой тяжело и хрипло ходит грудь. Нужное дерево нашлось быстро. Авре взялся за инструмент. Левая рука была почти бесполезна: он не мог обхватить древко, пальцы не слушались. Ему пришлось прижать забинтованное предплечье к топоричу, используя поврежденную конечность лишь как подпорку.

Аврелас начал рубить. Удары были слабыми и неточными. Топор соскальзывал, выбивая лишь мелкую щепу. По повязке поползло свежее красное пятно. Авре стиснул зубы. Он вспомнил слова отца. Если вернется без вяза, Бастиан не станет тратить на него время.

Через час дерево рухнуло. Авре тяжело дышал, прислонившись лбом к холодной коре соседней ели. Рука горела так, словно волк все еще терзал ее зубами.

Он закончил перерубать вяз и принялся отсекал лишние ветки, когда заметил на древесине странный след. Стальной болт впившийся в дерево. В отличие от привычных Авре широких охотничьих стрел, этот снаряд был коротким, толщиной с мизинец, и лишенным изыска.

Парень медленно выпрямился. Он посмотрел на свежий пенек, затем на то, как растянулась в траве крона, мысленно возвращая ствол в вертикальное положение. Болт был старым, потемневшим, он глубоко ушел в древесину, но если бы дерево все еще стояло — снаряд прилетел бы прямоком с холмов, перечеркивая тропу, по которой Авре ходил за водой.

Аврелас подхватил топор и срубленную заготовку. Он не стал выковыривать болт. Он уходил из леса, стараясь не бежать, хотя затылком чувствовал холодный прицел невидимого стрелка... В этом лесу сталь Бастиана была не единственной.

Юноша шел через подлесок. Он миновал речной изгиб, и вышел на открытую пустошь, отделявшую лес от крайних лачуг.

Бастиан взял вяз за комель и рывком втащил его в кузницу. Дерево прочертило борозду в пыли.

— Клади руку на наковальню, — приказал он.

Парень повиновался. Холодный металл наковальни обжег воспаленную кожу. Бастиан коротким движением ножа разрезал бинты. Ткань сошла вместе с корками, обнажая рваные края. Рана выглядела плохо: края припухли, по ним пошли багровые разводы.

Бастиан вытащил из углей стальной прут. Кончик металла светился ровным белым светом.

— Дыши, — коротко бросил Бастиан.

Авре не успел подготовиться. Когда раскаленное железо коснулось рваных краев раны, из его груди вырвался хриплый крик, перешедший в сдавленный стон. Тело дернулось, инстинктивно пытаясь уйти от боли, но Бастиан навалился сверху, прижимая предплечье парня к наковальне всем своим весом.

Шипение плоти заполнило кузницу. Авре зажмурился так сильно, что в глазах поплыли красные пятна. Он чувствовал, как пот мгновенно пропитал рубаху, а челюсти сжались с такой силой, что в зубах что-то хрустнуло. Запах паленого мяса был тошнотворным.

Когда Бастиан убрал прут, Авре не упал, но его колени подогнулись. Он тяжело дышал, хватая ртом горячий воздух кузницы. Слезы, которые он не мог сдержать, прочертили чистые дорожки на его покрытом сажей лице.

Бастиан бросил остывающий металл в угли, не глядя на парня. Авре обмяк, его рвало желчью на земляной пол.

— Дыши, — Бастиан не смотрел на него.

Кузнец взял меч с наковальни. Сталь, очищенная от ржавчины и выправленная, тускло блеснула в свете горна. Он не дал его в руки парню. Вместо этого он убрал клинок в ножны и повесил их на крюк высоко за наковальней.

Бастиан указал на вяз, принесенный из леса.

— Обтесывай его. Сделаешь болванку по весу как этот клинок. Пока не научишься бить деревом так, чтобы оно звенело, сталь в руки не возьмешь.

Авре поднялся, вытирая лицо тыльной стороной здоровой ладони. Обожженная рука висела плетью, пальцы подергивались.

— Работай. Рука должна привыкнуть к весу. Если дерево будет гулять в хвате - настоящая сталь отрубит тебе ноги раньше, чем ты коснешься врага. Боль - это просто сигнал что ты еще жив.

Аврелас молча потянулся к дереву. Пальцы на раненой руке не слушались, но он заставил их сомкнуться на топорище. Каждое движение было пыткой. Бастиан не помогал. Он вернулся к горну.

Юноша сел на гнилой пенек, зажав вяз между коленями. Левая рука, туго перетянутая чистым холстом поверх сожженной плоти, ощущалась как чужая. Он взял широкий нож. Стружка отходила неохотно - вяз дерево живое, упрямое.

— На тропе был болт, — прохрипел парень. — Вбит в вяз. Арбалетный.

Бастиан замер. Он не стал оборачиваться, продолжая смотреть в затухающий горн.

— Свежий? — коротко спросил он.

— Сгнил почти. Один наконечник торчит.

Кузнец заметно расслабил плечи, но руку с посоха не убрал.

— Старая засада, — буркнул он. — Видать, кто-то караулил дорогу еще в те времена, когда здесь было на что охотиться. Раз болт остался в дереве, значит, стрелок либо промахнулся и побоялся лезть за ним, либо ему стало уже все равно.

— Как мы его раньше не видели? — спросил Авре, не поднимая глаз от вяза. — Тропа-то одна.

Бастиан хмыкнул.

— Лес осыпается, парень. Старая ель рухнула в прошлую бурю. Раньше этот вяз в гущаке стоял, а теперь — как на ладони. Мы годами ходим мимо смерти и не видим ее, пока солнце не упадет под нужным углом.

Бастиан работал молча. Его молот падал на очередную заготовку лемеха с пугающей регулярностью. Каждый удар отдавался в зубах Авреласа.

К полудню болванка начала обретать форму. Это был грубый, угловатый кусок дерева, лишенный изящества, но повторяющий длину и баланс отцовского меча. Авре намеренно оставил рукоять толстой, чтобы пальцам приходилось сжимать ее с силой.

Бастиан остановил работу молотом. Он вытащил из кармана фартука горсть сушеных ягод, перемешанных с серой овсяной крупой, и молча кинул их на край наковальни. Следом кузнец поставил зазубренную глиняную кружку с кипяченой водой. Она была еще горячее, с неприятным привкусом древесного угля и копоти.

— Ешь. Пей по глотку, — Бастиан вытер пот со лба обугленной ладонью.

Юноша сгреб сухую смесь здоровой рукой. Ягоды были жесткими и кислыми, сырая крупа застревала в зубах. Он жевал медленно, проталкивая ком в горло. Теплая вода обжигала пересохший язык, но она была единственным, что гарантировало - завтра он проснется от лихорадки в мышцах, а не от рези в кишках. Парень выпил половину, чувствуя, как тепло расходитя по груди, и отставил кружку в тень наковальни.

— Вставай, — бросил Бастиан. — Рубаха остынет — мышцы встанут колом.

Авре поднялся. Спина была липкой от холодного пота.

— Выпад. Прямо перед собой. Острие на уровне горла, — Бастиан указал посохом на столб, подпирающий навес кузницы. — Бей так, чтобы дерево не скользило, а входило в цель.

Юноша сделал шаг. Правая рука взметнулась, увлекая за собой тяжелую заготовку. Удар пришелся в столб вскользь, дерево глухо стукнуло, и отдача отозвалась в ожоге такой вспышкой, что у парня потемнело в глазах. Болванка выскользнула из пальцев.

— Подними, — сухо сказал Бастиан. — Выронишь в бою — умрешь. Подними и бей снова.

Авре поднял заготовку. Плечо ныло, локоть казался набитым битым стеклом. Снова выпад. Снова удар. Столб покрывался мелкими вмятинами. К сотому разу он перестал чувствовать жжение - рука просто онемела, превратившись в негнущийся рычаг. Кожа под бинтами намокла: то ли от пота, то ли от сукровицы.

— Твой выпад медленный, — Бастиан подошел и перехватил вяз. — Ты думаешь о боли в руке, а должен думать о точке, которую хочешь пробить. Ты не бьешь дерево. Ты протыкаешь пустоту. Вес тела должен уходить в острие, а не в плечо.

Авре снова встал в стойку. Он чувствовал, как подрагивают колени. Воздух в кузнице стал густым от гари. Он замахнулся и ударил снова. Звук столкновения дерева о дерево стал суше.

— Еще раз, — повторял Бастиан на каждый десятый удар.

Солнце медленно сползало к горизонту, окрашивая вход в кузницу в цвет запекшейся крови. Авре продолжал наносить удары. К вечеру его пальцы так сильно затекли, что он не смог бы разжать их, даже если бы захотел. Вяз стал частью его предплечья. Бастиан молча наблюдал за каждым движением, опираясь на свой посох. В этом бесконечном повторении не было подвига - только монотонная, изматывающая шлифовка живого мяса под мертвое дерево.

Когда стало слишком темно, чтобы видеть метки на столбе, Бастиан кивнул.

— Довольно. Иди в дом. Завтра повторишь вдвое больше.

Авре опустил вяз. Он не чувствовал ни гордости, ни облегчения. Только холод, быстро пробирающийся под промокшую рубаху, и глухую пульсацию в ране.

Он постоял, восстанавливая дыхание. Где-то за кузницей лениво стрекотали сверчки, а в горне догорали последние угли. День закончился так же молча, как и начался. Кузница погрузилась в сумерки. Меч на стене остался висеть на прежнем месте - холодное напоминание о том, как далеко ему еще до настоящей стали.

Тренировки превратились в бесконечный цикл. Утром Аврелас до одури бил вязом в столб, пока рука не переставала чувствовать ожог, а в полдень Бастиан гнал его к наковальне. Ковка больше не была ремеслом - это было продолжение уроков боя. Бастиан заставлял его держать тяжелые клещи раненой рукой. Сталь должна была стать привычной, как собственная кость.

— Металл чувствует страх, — бросал Бастиан, когда Авре неточно опускал молот. — Если ты боишься обжечься или промахнуться, ты уже проиграл. Бей.

Вечером, когда Аврелас едва передвигал ноги, Бастиан брал свой посох и молча уходил в сторону леса. Его не было долго. Бастиан возвращался в густых сумерках, припадая на большую ногу сильнее обычного. Каждый шаг давался ему с видимым трудом: сапог тяжело впечатал

тывался в промерзшую грязь, а плечо дергалось вверх, компенсируя хромоту. В одну из таких ночей, когда мороз начал пробираться под кожу, он вошел в кузницу и, не говоря ни слова, бросил на утоптаный земляной пол обмякшую тушку лисы.

Звук был глухим, влажным. Меха зверя были облезлыми, рыжина почти полностью съедена серой дорожной пылью и запекшейся кровью. Лиса казалась маленькой, истощенной, как и все в этом лесу, но для них это было сокровище. Это было мясо.

— Сними шкуру, только не испорти, — коротко приказал кузнец.

Его голос был сухим, как треск остывающих углей. Бастиан даже не взглянул на парня, он сразу прошел к горну, тяжело опустившись на низкую скамью. Аврелас стоял над тушкой, чувствуя, как в горле встает комок. Запах зверя — острый, мускусный, смешанный с холодом — мгновенно заполнил тесное пространство кузницы.

Парень медленно потянулся к поясу, доставая нож. Металл охлаждал пальцы, а рукоять, обмотанная засаленной кожей, привычно легла в ладонь. Он опустил на корточки. Ожог на руке, тогда еще свежий и ярко-алый, отозвался резкой пульсацией, стоило только сжать нож крепче.

Они развели костер на улице, между кузницей и домом Изы. Старуха пришла сама, неся в подоле сморщенные грибы и горсть сухих, кислых ягод. В котелке закипела вода. Лиса была тощей, жилистой, ее мясо пахло лесной сыростью и старым жиром, но никто не жаловался.

Иза методично резала грибы, ее пальцы двигались в такт движениям Бастиана, который помешивал варево длинной деревянной ложкой.

— Кормить будем в старом амбаре, — тихо сказала Иза. — Совсем ослабли.

Бастиан кивнул. В умирающей деревне еда была не праздником, а распределением шансов на выживание. Это варево — горькое, пахнущее хвоей и диким зверем — предназначалось не им. Оно было для тех немногих немощных стариков, что еще доживали свой век в перекошенных избах, не в силах даже собрать хворост.

Когда похлебка была готова, они вместе с Изой разлили ее по шербатым площадкам. Мясо лисы, жесткое как резина, разделили на равные волокна, смешивая с овсяной крупой и ягодами, чтобы обмануть пустые желудки.

Аврелас не отрывал взгляда от Изы. Он смотрел, как она, ссутулившись под тяжестью пустых подносов, медленно уносит миски прочь от огня. Она уходила в густую, пахнущую сырым подвалом темноту амбара — туда, к теням, которые когда-то, в прошлой, солнечной жизни, были людьми. Теперь они были лишь звуками: хрипом, сухим кашлем и шорохом лохмотьев.

— Почему мы отдаем им все? — спросил Аврелас. Его голос прозвучал на удивление хрипло, словно связки тоже высохли и покрылись налетом золы.

Он не смотрел на кузнеца, продолжая сверлить взглядом затухающие угли. Красные точки света мерцали в сером пепле, как глаза умирающих зверей. В этом вопросе не было злобы — только усталость и непонимание того, зачем кормить тех, кто уже не может поднять топор или принести воды.

— Это наша память. Они знают, как здесь цвели яблони и как пах хлеб из настоящей печи. Без них мы просто кучка бродяг, застрявших в лесу. Пока они едят — мы все еще люди, Авре. Мы храним в них то, что делает нас чем-то большим, чем просто двуногие звери, рыскающие в поисках падали. Он встал, опираясь на посох.

— Завтра на рассвете. Столб сам себя не разобьет.

Бастиан ушел в сторону кузницы, тяжело волоча левую ногу по подмерзшей грязи. Звук его шагов — шаркающий, неритмичный — долго затихал в сумерках, пока не утонул в шелесте ветра. Аврелас остался у костра один. Огонь уже не грел, он лишь лениво лизал обгоревшие края бревен, выбрасывая в небо редкие, умирающие искры.

Запах вареной лисы все еще висел в холодном воздухе, липкий и едкий. Он дразнил голод, заставляя рот наполняться пустой, горькой слюной, но в общем котле, почерневшем от многолетнего нагара, осталась только мутная жижа на самом дне. Парень медленно опустился на колени, чувствуя, как холод земли мгновенно пропитывает штанины. Он зачерпнул жижу горстью, стараясь не упустить ни капли. Жир был холодным, неприятно скользким, с привкусом старой шерсти и золы. Аврелас слизывал его с ладони, закрыв глаза, пытаясь обмануть желудок, который уже давно скрутило тугим узлом.

Это не насыщало. Оно лишь напоминало о том, что живое тело — прожорливая, вечно требующая своего обуза. Каждый глоток только сильнее раздувал искру голода, превращая ее в настоящий пожар в груди.

Он поднял руку и долго смотрел на свои пальцы, испачканные в сером налете. Ожог на левой кисти затянулся грубой, багровой коркой. Кожа вокруг него натянулась так сильно, что казалась чужой, мертвой, похожей на древесную кору. Она трескалась при каждом, даже самом осторожном движении, сочась сукровицей.

Юноша с трудом поднялся, чувствуя, как затекли суставы. Костер окончательно сдох, оставив после себя лишь горсть седого пепла. Аврелас побрел к дому, едва переставляя ноги. Деревня вокруг него казалась вымершей, погруженной в липкий, сизый туман.

В густой темноте амбара, где Иза еще недавно раздавала остатки похлебки, кто-то глухо и натужно кашлял. Звук был сухим, как треск ломающейся на морозе кости. Аврелас замер на мгновение, вслушиваясь в этот хрип. Ему показалось, что он слышит, как само время уходит из этого места вместе с этим кашлем. Деревня, притаившаяся в тенях, доедала последнюю лису и покорно готовилась к очередной долгой ночи — ночи, которая для кого-то из стариков, чье дыхание становилось все короче, могла стать последней.

Глава 3

Тренировки с вязом стали рутиной. Аврелас научился не тратить силы на широкий замах; он понял, что удар начинается с пятки, проходит через бедро и только в конце вылетает сухим коротким толчком. Вяз в его руках больше не гулял. Столб в кузнице был избит в щепки на уровне человеческого кадыка.

Бастиан показал три движения. Первое — встречный укол: короткий выпад всем телом, когда меч становится продолжением кости. Второе — увод: не принимать удар на сталь, а встретить чужой клинок плашмя, под острым углом. Нужно было лишь коснуться его, позволяя вражескому мечу самому соскользнуть в пустоту. Сила здесь не решала — только точность. Промажнувшись, противник сам проваливался вперед, открываясь для ответного тычка. Третье — удар наверху: когда враг оказывался слишком близко, в лицо летело тяжелое яблоко меча.

— Не ищи красоты, — повторял Бастиан, опираясь на посох. — Ищи кратчайший путь к мягкому.

Кузнец вколачивал в парня одну истину: сталь об сталь — это крайняя мера. Если принять удар жестко, под прямым углом, чужой клинок либо переломит твой, либо выбьет его вместе с кистью.

В полдень они прерывались. Еда была неизменной: миска серой каши из толченого зерна и кореньев, запитая кипятком. Они ели молча, глядя на остывающий горн. Желудок ныл от скудности рациона, но мышцам этого хватало, чтобы не встать окончательно.

Бастиан кинул на наковальню обломок старой косы и зазубренный кусок тяжелого обруча.

— Меч ты еще не заслужил, а с вязом против человека не выступишь. Скуем тебе кинжал.

Юноша рассматривал бесформенные куски металла. Коса была сделана из хорошей, твердой стали, но она была слишком тонкой и хрупкой. Обруч же состоял из мягкого, вязкого железа.

— Сваривай их, — приказал Бастиан. — Твердое — внутрь, мягкое — на обкладки. Тебе нужно узкое трехгранное жало. Такой клинок не режет, он дырявит. Им бьют в зазоры доспехов или под нижнее ребро.

Авре вытянул клинок с четким высоким ребром. Коса дала твердую сердцевину, а мягкое железо обруча — вязкие обкладки. Он следил, чтобы спуски шли ровень.

— Не делай его слишком тонким у рукояти, — наставлял он, пока Авре правил кромку легким молотком. — Это не кухонный нож. Им придется пробивать плотную кожу или ватник.

Закалку проводили в лохани с отработанным маслом, черным и густым, которое Бастиан годами сливал из осей старых телег. Оно воняло гарью и старым металлом.

— Вода убьет такой тонкий клинок, — Бастиан прищурился на вишневый отблеск раскаленного острия. — Сталь слишком напряжена. Масло примет жар мягче.

Авре опустил кинжал в черную жижу. Раздалось глухое шипение, вверх поднялся едкий дым, от которого заслезились глаза. Он держал клинок неподвижно, чувствуя через клещи, как масло содрогается от жара металла.

Когда дым рассеялся, Авре вытащил кинжал. Острие покрылось ровным слоем нагара. Он осторожно провел по нему старым напильником — металл не поддался, оставив лишь едва заметный серый след. Знак, что закалка прошла успешно.

— Теперь отпуск. — Бастиан указал на край горна, где угли уже подернулись серым пеплом. — Положи на теплые камни. Сталь не терпит спешки. Если оставишь так, клинок разлетится в щепки при первом же ударе о кость.

Оружие вышло невзрачным. Узкое лезвие с высоким ребром, лишенное блеска. Бастиан нашел обрывок задубевшей кожи и помог парню сшить простые ножны.

— Носи его за поясом, со стороны спины, — Бастиан показал, как расположить рукоять под правую руку, — в бою кинжал — это последний довод. Его не обнажают для угроз. Клинку место в деле, когда сошлись грудь в грудь и нужно просто проткнуть то, что стоит перед тобой.

Вечером, пока над огнем медленно обугливалась тощая птица, Бастиан заговорил о защите. Отсветы костра прыгали в его глазах, замирая в жестких складках у рта. Он все еще пах дымом горна и кислым потом.

— Латы — это привилегия мертвецов, — буркнул он, вороша угли посохом. — Они дают ложное чувство бессмертия. Но в латах ты тяжел, ты гремишь и быстро устаешь. Если упал в грязь — уже труп. Твоя броня должна быть в голове, а не на плечах.

— Сделаешь малый щит, — продолжал Бастиан. — Сосну коли вдоль на тонкие плахи. Клади их в два слоя — один поперек другого, проклеивай рыбьим клеем и стягивай кожей. Если положишь в один слой, первый же удар топора расщепит его до рукояти. Клей возьмешь у Изы.

Юноша слушал, переворачивая мясо.

— Щит - это не стена, за которой прячутся, - продолжал Бастиан. - Это активное оружие. Им не только принимают удары, им бьют в лицо, ломают носы и отбивают руки. Если ты просто закроешься и будешь ждать, тебя убьют. Он взял свой посох и коротким, жестким движением толкнул воздух в сторону Авреласа.

Не пытайся остановить чужую сталь в упор. Встречай ее краем щита, под углом. Пусть чужой замах пролетит мимо, утягивая врага за собой. Его собственный вес — твой лучший союзник. Пока он заваливается вперед, потеряв опору, ты бьешь кинжалом.

Бастиан замолчал, глядя на огонь.

— Лучшая защита — это не стальная скорлупа. Это умение оказаться там, где меча противника уже нет. Помни об этом.

Бастиан снял птицу с вертела. Он не стал ее делить, а просто положил на плоский камень между ними. Мясо было сухим и пахло гарью, но в животе Авре сразу возникла тягучая пустота.

— Ешь, — Бастиан указал ножом на тушку. — Завтра пальцы должны слушаться. Работа с клеем ошибок не прощает.

Авре оторвал тонкое крыло. Кости хрустнули, на губах остался привкус золы.

— Почему ты не носишь щит, если он так хорош? — спросил парень, пережевывая жесткие волокна.

Бастиан посмотрел на свою левую ногу, вытянутую к огню. Посох лежал рядом, как третья конечность.

— Мой щит остался в поле, которого больше нет, — кузнец не мигая смотрел в пламя. — Его развалили одним ударом, и та же сталь вгрызлась мне в плечо. С тех пор я предпочитаю, чтобы между мной и врагом было больше места, чем может дать кусок дуба.

Он поднялся, опираясь на посох, и его тень накрыла юношу, став огромной и изломанной.

— Посох не умеет резать, — тихо произнес кузнец, и в его голосе не было сожаления, только странная, холодная решимость. — Он не входит в плоть. Он просто удерживает мир на расстоянии вытянутой руки. Щит, который ты сделаешь, нужен тебе для того же. Не для того, чтобы стать палачом, а чтобы у тебя всегда был выбор — нанести удар или просто не дать ударить себя. Сталь, которую ты носишь за спиной, — это тупик. Посох и щит — это путь.

Бастиан на мгновение замер, глядя в пустоту.

— Когда ты вынимаешь клинок, ты уже проиграл часть себя. Если дерево в твоей руке заставит врага отступить — ты сохранил жизнь не ему. Ты сохранил ее себе.

Он развернулся и ушел в темноту дома, мерно постукивая посохом. Авре остался один. Костер догорал, и в наступившей тишине парень коснулся рукояти кинжала. Сталь была холодной, но посох кузнеца, прислоненный к порогу мгновение назад, казался сейчас гораздо более опасным оружием. Он лег не сразу. Еще долго лежал, прислушиваясь к редкому стуку дождевых капель по крыше, пока усталость не сморила его.

Авре вылез из-под шкур. В лачуге застыл тяжелый, стоячий воздух. Сквозь щели в крыше падали тонкие лучи тусклого летнего солнца. Тепла они не давали.

Ожог на предплечье заныл. Кожа, прижатая каленым прутком, стянулась. Рана была чистой, без гноя, но глубокой — железо выжгло мясо почти до кости. При попытке сжать кулак руку пробило сухой, режущей болью.

Бастиан уже ушел. Из кузни доносился металлический скрежет.

Юноша вышел наружу. Деревня тонула в безмолвии. Пять лачуг, облепленных сухой грязью, и обглоданный каркас амбара. На земле — ни травинки, только серая пыль, которая липла к ногам.

Парень толкнул дверь в жилье Изы. Внутри было душно. В чугушке булькало серое варево из голов и костей той мелкой рыбешки, что Бастиан выудил вчера из обмелевшей заводи. Улова едва хватило на пустую похлебку.

Иза сидела в углу. Она распутывала обрывки старой сети, впиваясь в узлы костлявыми пальцами. Старуха не подняла головы, когда Авре подошел к очагу.

— Клей готов? — спросил Авре.

Иза подняла взгляд. Глаза ее были мутными, как застоявшаяся вода.

— Готов. Самый сок из костей выварила. Будет держать, пока дерево не сгниет.

Она зачерпнула вязкую жижу и вылила в плошку Авре. Слизь тянулась длинными нитями, воняла илом и старой чешуей.

— Как старики? — тихо спросил парень. — Ганс и остальные.

Иза остановила черпак.

— Скрипят. Ганс вчера кору жевал, десны в кровь стер. Сил нет даже глотать. Лежат, ждут, когда холод вернется. Зимой умирать привычнее.

Юноша промолчал. Он оставил на столе полоску кожи и вышел.

В кузне Бастиан скреб ржавчину с обломка косы. Посох стоял рядом.

— Принес?

— Да.

Авре выложил на верстак три коротких обрубка сосновой доски. Это были серые и колкие остатки дверной рамы; ожог на предплечье заныл, когда парень взял нож.

Он не стал подгонять бруски друг к другу, а осторожно расщепил их вдоль волокон на тонкие плоские плахи. Дерево крошилось. Сметая труху ладонью, парень взял плошку, подцепил щепкой густую массу и смазал плоскости заготовок. Слизь воняла болотом.

Первый слой щеп он выложил горизонтально, а поверх — второй, вертикально. Щит получался не больше тарелки. Чтобы клей взялся, Авре прижал заготовку к верстаку всем весом, упервшись в нее левой рукой.

Ожог сдавило. Сухая корка на коже натянулась, но не лопнула; боль была тупой, давящей.

— Малый щит быстрее, — бросил Бастиан, не оборачиваясь. — Большой тебя свяжет. Умрешь от усталости раньше, чем от удара.

Из стыков между слоями полезли мутные капли.

— Дави, пока не застынет, — добавил кузнец. — Рыба схватит дерево. Если разойдется — выбросишь. Чинить гниль нельзя.

Авре выпрямился. Рука затекла, ожог подергивало. Он поднял щит за края: сбита в два слоя заготовка держалась крепко, клей встал грязными потеками.

— На одном клею развалится, — сказал Бастиан, возясь со старым лемехом. — Прошивай железом. В углу узда гнилая валялась, выдирай из нее проволоку.

Обрывки сбруи нашлись под горой ветоши. Кожа упряжи давно превратилась в труху и рассыпалась в пальцах черной пылью. Внутри остались серые скрученные жилы. Железо было тусклым, в рыжих пятнах.

— В горн кинь, — посоветовал Бастиан. — Отойдет, станет мягче.

Авре сунул проволоку в уголки. Раздул мехи. Кожаный мешок свистел через дыры, но жар пошел. Когда железо стало малиновым, он вытащил его клещами и бросил на земляной пол. Пока металл остывал, Авре взял тонкий прут. Раскалил кончик добела.

— Дырки жги, — сказал Бастиан. — Ножом сухую сосну только расколешь.

Авре прижал каленое острие к краю щита. Дерево зашипело, повалил едкий дым. Пахнуло жженой корой.

Юноша прожег отверстия по краю щита, сшивая оба слоя древесины. Он начал продевать остывшую проволоку сквозь черные дырки. Под витки металла подкладывал клочки старой кожи, чтобы жила не перерезала мягкую сосну. Концы скручивал клещами. Потемневшее железо податливо вминалось в подкладки, намертво стягивая планки.

— Рукоять из ремня делай, — Бастиан кивнул на козлы. — Только жиром пропитай, а то он сухой, как щепка.

Аврелас взял полоску серой, ломкой кожи. Она трещала при каждом сгибе. Парень макнул пальцы в плошку с мутным рыбьим жиром и начал втирать его в ремень. Пахло падалью и илом. Кожа медленно темнела, впитывая вонючую смазку, становилась тяжелой и гибкой.

Он приладил ремень к внутренней стороне, просунул концы в отверстия и затянул их остатками проволоки. Острые хвосты железа вбил в сосну обухом ножа.

Авре просунул кулак в кожаную петлю. Щит был липким, грязным и тяжелым. Но когда он встряхнул рукой, слои сидели плотно, как влитые.

— Пойдет, — буркнул Бастиан. — Свое отслужит.

Бастиан взял посох. Он накинул на плечи серый плащ.

— Попробую зайти за дальний овраг, — сказал он, не глядя на парня. — Вчера видел там свежую землю. Может, корни какие остались или крыса вылезла.

Дверь кузни скрипнула и закрылась. Авре остался один.

В мастерской было тихо. Только уголь в горне пощелкивал, остывая. Парень положил свой щит на верстак. Рука с ожогом ныла. Он обернулся к дальней стене, где висел меч.

Металл был темным, почти угольным. Даже после чистки и перековки он не давал бликов. Матовая, тяжелая полоса железа. Юноша помнил, как этот клинок вел себя под молотом — издавал звуки, похожие на утробный стон.

Аврелас подошел ближе. Пахло не сталью. От меча шел холодный, сухой запах, как от камня. Парень протянул руку, не решаясь коснуться рукояти.

Юноша коснулся наверху кончиками пальцев. Металл обжег холодом. Ожог на предплечье внезапно затих, боль ушла глубоко внутрь, сменившись ледяным онемением. Он отдернул руку и попятился.

Авре схватил свой кулачный щит и сел на трухлявый пенек, стараясь не смотреть на стену. Дерево и рыба слизь были ему понятны. Но не этот меч.

Парень взял сверток со своим обыденным пайком и направился к Гансу. Ноги привычно вязли в липкой грязи, перемешанной с золой.

Он толкнул дверь его лачуги. Внутри стоял густой, сладковатый запах мяса.

Ганс сидел в углу спиной к двери. Его плечи дергались. Раздался влажный, чавкающий звук.

— Ганс? — тихо позвал Авре.

Старик обернулся. Его лицо было покрыто черными жилами, раздувшимися под кожей. Подбородка не было видно за слоем багровой жижи. В руках он сжимал человеческую стопу - тонкую, с обломанными ногтями Марты. Ганс не ответил, из его горла вырвался клокочущий звук.

Безумец прыгнул.

Парень едва успел вскинуть щит. Ганс врезался в него всем весом. Аврелас упал на спину, придавливая сосновыми досками грудь старика. Ганс клацал зубами рядом с его лицом. Из рта несло сырым мясом и гнилью. Его пальцы, ставшие жесткими, как когти, рвали рукав парня, пытаясь добраться до ожога.

Авре закричал, но звука не вышло. Только хрип. Он ударил ребром щита Ганса в лицо. Раздался хруст — проволока прорезала губу старика.

Ганс не почувствовал боли. Он вцепился зубами в край щита, вырывая щепки. Рыбный клей скрипел, но держал.

Парень вывернулся и навалился сверху. Он начал бить. Авре не умел убивать, поэтому просто обрушивал щит вниз, как молот.

Первый удар пришелся в переносицу. Брызнуло темным.

Второй — в челюсть. Нижняя кость ушла в сторону, повиснув на лоскуте кожи.

От каждого удара в локоть парня отдавала тупая боль, а дерево щита вибрировало, впитывая хруст чужих костей.

Наконец, Ганс затих. Авре отполз в сторону, тяжело дыша. Руки дрожали. В углу лежала Марта.

Парень поднялся, опираясь на окровавленный щит. Он вышел на улицу, так и не разжав кулак. Пальцы одеревенели, намертво прикипев к рукояти через слой подсыхающей крови, и щит казался уродливым продолжением его собственной руки. Солнце все так же тускло светило сквозь серую дымку. Ничего не изменилось, кроме того, что в деревне стало на двух человек меньше.

Он посмотрел на свою руку. Ожог горел. Авре вытер лицо рукавом, размазывая чужую кровь.

Аврелас зашел в кузню и бросил щит. Руки по локоть были в темной жиже. Она не стекала, а липла к коже, как деготь. Он окунул руки в бадью. Вода сразу помутнела, но грязь сходила неохотно, собираясь под ногтями и в складках кожи.

Стук посоха снаружи стал громче. Бастиан вошел, плащ его был сухим, а его лицо серым от пыли. Он посмотрел на парня, потом на бадью с водой, которая потемнела от смываемой грязи.

— Ганс, — сказал Авре, задыхаясь.

— Он ел Марту. Я забил его щитом. У него под кожей были черные нити. Как корни.

Бастиан подошел к верстаку, положив посох. Его взгляд упал на стену, где висел меч. Клинок оставался темным и неподвижным.

— Гниль в крови, — тихо произнес кузнец. — Когда живот пустой слишком долго, тело начинает жрать само себя. А потом и других.

Он взял тряпку и бросил парню.

— Вытирайся насухо.

— Сожги щит. Дерево впитало дрянь, кидай его в горн.

Щит казался тяжелее, чем раньше. Он засунул его в уголки горна. Сухая сосна вспыхнула мгновенно. Пламя было странным — не рыжим, а тускло-зеленым, с едким вонючим дымом. Рыбный клей шипел, проволока изгибалась в огне, как живая.

Глава 4

Бастиан сидел на гнилом пне, зажав клинок между колен, и медленно стягивал с него мешковину. Тень от верстака ложилась на лицо кузнеца, скрывая глаза. Авре стоял напротив. Воздух в кузне застыл, пахло жженым деревом от догоревшего щита.

— Я никогда не называл тебя сыном, — произнес Бастиан.

Он не поднимал головы. Его пальцы медленно вели по темному ребру стали.

— Я знаю, — ответил Авре.

Голос парня был плоским. Родство в этом мире было роскошью, которую нельзя было съесть или переплавить. Отсутствие общего имени было такой же деталью быта, как трещина на наковальне.

Бастиан кивнул, словно самому себе.

— Этот меч носил твой отец. Мы были в одном строю на той бойне. Это проклятая сталь, Авре. Такого железа много осталось гнить в траншеях. Оно жадное. Оно впитывает того, кто его держит. Тянет в себя гнев, страх и вонь смерти.

Кузнец поднял взгляд. Его зрачки были неподвижны.

— Если сожмешь рукоять крепко, металл может отдать это назад. Обрывки чужой жизни в голове. Лица. Грязь. Твой отец сдох в канаве, захлебнувшись кровью. Я не смог его вытащить — земля была как камень. Забрал только это.

Он похлопал ладонью по лезвию. Звук был глухим, как по кости.

— Я присматривал за тобой, потому что был должен ему жизнь. Кормил, учил держать инструмент. Теперь долг закрыт.

Юноша смотрел на меч. Теперь холод, исходящий от него, обрел вес.

— Как его звали?

— Каллен. Забудь о нем. Им не будешь сыт.

Бастиан протянул меч рукоятью вперед.

— Держи. Если железо захочет, ты увидишь его. Но помни: там нет ничего, кроме войны и навоза. Все то же самое, что и здесь, только громче.

Парень шагнул вперед. Его ладонь легла на ледяную кожу обмотки. Ожог на предплечье мгновенно остыл, сменившись тяжелым онемением. Он не чувствовал ни горя, ни связи. Только груз прошлого, который теперь перетек в его кости.

Дверь лачуги Ганса висела на одной петле, лениво раскачиваясь от колючего ветра. Авре замер на пороге. Темнота внутри казалась густой, почти осязаемой, но он кожей чувствовал присутствие чего-то неправильного. Запах изменился: к сладости сырого мяса примешался едкий, грибной аромат разложения. Так не пахнет человек, даже если он гниет неделю.

Бастиан стоял за спиной парня, тяжело опираясь на посох.

Авре сделал шаг внутрь, и доски под его сапогами отозвались влажным хлопаньем. Кузнец остался в дверях, перекрывая свет умирающего дня.

— Смотри под ноги, — глухо бросил он.

Аврелас опустил взгляд. Из щелей между половицами тянулись тонкие, черные как смоль волоски. Они медленно шевелились, пробуя воздух.

В углу лежала Марта. Ее кожа была как старый пергамент, неподвижная. Ганс же... Авре подошел ближе. Старик, забитый щитом, изменился. Там, где дерево раздробило ему челюсть, копошился плотный клубок черных нитей. Они проросли сквозь десны, заменив собой зубы. Лицо Ганса раздулось, кожа натянулась до прозрачности, обнажая сеть пульсирующих сосудов, забитых темной жижей.

— Он... он прорастает прямо в пол, — прошептал юноша.

— Эта дрянь не ждет, — Бастиан ударил посохом о порог, и черные волоски у ног Авре на мгновение отпрянули. — Если не вытащишь его сейчас, через час не сможешь отодрать от лачуги, не обрушив крышу.

Бастиан посмотрел на Авре, затем на моток веревки в своих пальцах. Его взгляд скользнул по перевязанной руке парня, где сквозь бинты Изы проступал ожог.

— Нет, — Бастиан оттолкнул юношу плечом, оттесняя его от порога лачуги.

Кузнец сам накинул петлю на обмякшую шею Ганса. Он затянул узел резким движением, от которого голова мертвеца неестественно дернулась, а из раздутого горла со свистом вышел застоявшийся воздух. Кузнец не медлил и не выказывал брезгливости — его руки работали с той же точностью, с какой он правил обода тележных колес.

Бастиан обмотал свободный конец веревки вокруг своего предплечья, а затем — в несколько тугих оборотов вокруг широкого пояса. Он тяжело уперся посохом в склизкие доски, подаваясь вперед всем своим телом, и Авре услышал, как натянулась веревка. С влажным звуком тело мертвеца сорвалось с места. Кузнец волок его за собой, как мешок с костями, и в каждом его шаге чувствовалась ярость человека, который привык тащить на себе груз, который другим не под силу.

Они вышли из лачуги. Тело Ганса перевалилось через порог и с тяжелым шлепком рухнуло в грязь.

Бастиан рывком освободил предплечье, и кольца веревки упали в жижу у ног Авреласа. Кузнец выпрямился, тяжело дыша; его лицо в сумерках походило на остывшее пепелище, где под слоем серой хмурости еще тлели угли.

— Вяжи к поясу, — кузнец сплюнул, не глядя на тело Ганса, которое уже начало медленно погружаться в грязь. — И не вздумай делать привал, пока не почувствуешь запах горелой хвои. Если эта дрянь в нем проснется до того, как ты доберешься до склона, она пойдет по веревке прямо к твоим жилам.

Авре посмотрел на грязную веревку. Ожог на руке, спрятанный под бинтами, отозвался тупой пульсацией.

— До рассвета он должен стать пеплом, — отрезал кузнец и кивнул в сторону затихающей деревни. — А я займусь домом Марты. Там самое гнездо. Попробую выжечь все дочиста, пока оно не распространилось.

— Если крыша рухнет раньше, чем прогорит середина... дрянь разлетится с искрами по всему лесу. К утру здесь будет не деревня, а одна сплошная грибница.

Авре перехватил веревку. Она была ледяной и липкой. Бастиан развернулся к лачуге, уже выживая из-за пояса огниво.

Парень сделал первый шаг. Вес Ганса сопротивлялся, мертвец цеплялся за землю каждым выступом, словно не желая уходить. Впереди чернела гора, а за спиной Авре раздавался лишь шуршащий звук — звук того, что когда-то было человеком.

Веревка резала ладонь даже сквозь мозоли. Авре подался вперед, вбивая пятки в жирную грязь, и мир сузился до ритмичного хруста костей позади. Ганс не просто тяжел — он налился свинцом, впитав в себя сырость этой земли. Каждый раз, когда тело наткалось на корень или острый камень, по веревке передавался глухой толчок, будто мертвец дергал Авре за руку, приглашая лечь рядом.

Воздух у подножия горы застаивался, пах прелью и застарелым холодом. Гора не приближалась. Она возвышалась над ним равнодушной стеной, впитывая свет и оставляя лишь сумерки. Аврелас не оборачивался. Он знал, что увидит: взрытую борозду на земле и изуродованный затылок, с которого ключьями уходит все человеческое.

Шорох за спиной стал тише, когда почва сменилась на каменистую крошку. Теперь Ганс издавал скрежещущий звук. Авре сцепил зубы, чувствуя, как липкий холод веревки проби-

рается под кожу, смешиваясь с его собственным потом. Нужно было дотащить. Дотащить и выжечь эту черноту.

Небо наконец лопнуло, обрушив на плечи холодную, липкую морось. Вода смешивалась с грязью под Гансом, и шуршание за спиной стало влажным. Дождь бил наотмашь, вбивая холод прямо под ребра и превращая каменистую крошку в скользкое, чавкающее месиво. Аврелас выругался, сплевывая налипшую на губы жижу. Ганс за спиной стал чудовищно тяжелым; его обноски жадно пили воду, словно мертвец напоследок решил набить чрево влагой, срастаясь с самой землей.

Меч в ножнах, бесполезный и тяжелый, превратился в обузу. При каждом шаге железо било Авре по бедру, мешая ловить равновесие, а перевязь, намокшая и разбухшая, впивалась в плечо, перетягивая грудь мертвой хваткой. Оставлять мертвеца здесь, под открытым небом, было нельзя. Ливень задушит любой костер, а черная поросль внутри мертвеца только и ждала сырости, чтобы пустить костяные иглы в размокшую почву.

Аврелас оскальзывался, в кровь сбивая колени об острые скулы валунов, но веревку не выпускал. В темноте, за пеленой воды, проступил черный оскал — узкий зев пещеры под нависшим скальным козырьком. Там было сухо. Там смерть могла наконец встретиться с огнем.

Юноша рванул в последний раз, готовый скорее выломать себе плечо, чем остаться на месте. Труп с влажным, утробным хлопаньем перевалил через порог, разодрав бок о гранит, и замер в неподвижной темноте.

На мгновение стало тише. Ливень остался за каменным козырьком, и только тяжелые капли срывались с края свода, мерно разбиваясь о камень. Аврелас поймал один судорожный вдох, будто впервые за весь путь смог наполнить легкие воздухом.

Внутри пахло склепом и старой, задушенной пылью. Он бросил веревку. Занемевшие пальцы разжались не сразу, оставшись согнутыми, будто когти. Рукоять меча снова больно ткнула в ребра, когда он выпрямился.

Парень стоял, содрогаясь от холода, и слушал, как его надрывный хрип гуляет под сводами, мешаясь с гулом дождя. Ганс лежал бесформенным кулем, выставив в пустоту остеклевший взгляд.

Аврелас сел на корточки, тяжело дыша. Меч, бесполезный в этой тесноте, при каждом движении упирался в бедро, мешая согнуться — холод железа был единственным, что казалось настоящим.

Он высек искру. Крохотный огонек затеплился на сухом мхе, и тени тут же прыгнули на своды, ломаясь под дикими углами. В спертom воздухе, пахнущем вековой пылью, каждый звук раздувался до грохота.

Авре показалось, что за спиной, там, где стена ливня отсекала мир, кто-то стоит. Он не оборачивался, боясь увидеть пустоту. Но стоило ему уставиться на костер, как боковым зрением он заметил движение. Ганс, лежащий бесформенной грудой, вдруг стал казаться длиннее. Его ноги, скрытые в полумраке, будто медленно вытягивались, уходя вглубь пещеры и срастаясь с камнями.

Юноша тряхнул головой, стирая пот и воду со лба. В ушах зазвенело. Звон перерос в тонкий шепот, который шел не снаружи, а прямо из-под земли. По ладони мертвеца, вытянутой к огню, пробежала судорога. Пальцы Ганса, серые и распухшие, начали медленно скрести гранит, выбивая из камня неслышную дробь.

Воздух стал густым, как деготь. Авре попытался вздохнуть, но легкие словно наполнились мокрой шерстью. Меч снова вцепился в него: ножны застряли в трещине пола, и когда Авре дернулся, железо потянуло его вниз, к покойнику. Ощущение было таким явным, будто сам мертвец вцепился в конец ножен и с силой тащит его в темноту.

В зыбких отсветах костра лицо мертвеца начало меняться. Стекланные глаза больше не смотрели в пустоту — они медленно разворачивались в глазницах, нацеливаясь прямо на Авре.

Черная поросль внутри покойника зашевелилась. Ему показалось, что под кожей Ганса перекатываются сотни мелких игл, пробивая себе путь наружу.

Тихий хруст раздался совсем рядом. Не ветка в костре. Так трескается пересохшая кожа. Авре застыл, боясь пошевелиться, чувствуя, как по его собственному плечу ползет что-то ледяное и тонкое, похожее на костяной росток. Он хотел стряхнуть это, но пальцы не слушались, оставшись согнутыми когтями над умирающим огоньком.

Нужно было жечь. Но огонь теперь казался не спасением, а приманкой для того, что просыпалось в теле Ганса.

Авре заставил себя смотреть на пламя, но боковым зрением видел, как Ганс медленно, с натужным скрипом негнущихся суставов, начинает подтягивать колено к груди. Звук был слишком настоящим — шорох ткани о камень, хруст сустава, тяжелый выдох мертвых легких.

Аврелас не выдержал. Он дернулся назад, но ножны меча заклинило в расщелине пола. Железо рвануло его за бедро, не давая сдвинуться, и в этот миг ему показалось, что холодная, липкая ладонь Ганса легла ему на щиколотку. Пальцы мертвеца не просто коснулись кожи — они начали сжиматься, медленно и неотвратно, проламывая сапог.

— Тварь... — прохрипел Авре, и его голос утонул в гулком эхе пещеры. Он рванулся всем телом, выламывая застрявший меч из камней. Перед глазами поплыли багровые пятна, смешиваясь с чернотой сводов. Ему казалось, что из рта Ганса метнулась тонкая черная тень, похожая на костяную иглу, нацеленную прямо в его глаз.

Авре вскочил, не разбирая дороги. Меч бил его по ногам, путаясь в шагах, тяжелая перевязь сдавливала грудь, не давая вдохнуть. Он бросился вглубь, прочь от костра, прочь от тела. Парень кожей чувствовал, как оно уже застыло за его спиной на карачках.

Ноги скользнули по мокрому камню. Тьма впереди была плотной, как стена. Аврелас не успел даже выставить руки — голова взорвалась белой вспышкой от удара о низкий выступ скалы.

Парень рухнул лицом вниз, в ледяную пыль. Последним, что он ощутил перед тем, как тьма сомкнулась над ним, было ледяное дыхание на затылке.

Холод вытолкнул Авре из забытья. Он лежал щекой на мокрой каменной крошке, во рту стоял привкус меди. Костер давно прогорел, оставив после себя лишь запах серой золы. Аврелас приподнялся на локтях, преодолевая тошноту. В густом мраке он не видел своих рук, но чувствовал, как тяжелая перевязь меча все еще впивается в плечо.

Он замер, боясь пошевелиться. В паре шагов от него угадывалось бесформенное пятно. Авре ждал, что оно дернется, что черная поросль внутри мертвеца выстрелит костяными иглами, но Ганс лежал неподвижно. Труп лежал там же, где Авре бросил его перед тем, как потерял сознание. Будто ничего не произошло.

Авре поднялся, опираясь рукой о склизкую стену. Ноги были ватными.

Он шагнул к выходу, не оглядываясь на мертвеца. Меч тяжело качнулся на перевязи, но Аврелас не обратил внимания.

На пороге едва не поскользнулся, выругался сквозь зубы и вывалился под дождь.

Холод ударил сразу. Ледяные струи пробили насквозь пропотевшую рубаху, выбив из легких спертый воздух пещеры. Аврелас запрокинул голову. Вода стекала по лицу, смывая грязь, кровь и липкий пот, но не могла смыть воспоминание о тихом хрусте за спиной.

Он стоял так несколько ударов сердца, позволяя дождю делать свое дело.

Тропа превратилась в поток мутной жижи. Камни исчезали под водой, сапоги то и дело срывались, а промокшая одежда липла к телу, будто пыталась удержать его на склоне. Аврелас шел почти на ощупь, не разбирая дороги. Мир сузился до нескольких шагов впереди.

Юноша спускался к подножию, едва разбирая дорогу в серой пелене. Дождь, начавшийся еще во время его подъема к пещере, теперь превратил тропу в сплошной поток грязной воды. Сапоги то и дело проскальзывали, а мокрая одежда тянула к земле, словно налитая свинцом.

Он спустился в низину, где в серой хмари проступили очертания деревни. Место казалось выцветшим, словно старый рисунок, оставленный под дождем. Воздух здесь был тяжелым. К запаху мокрой земли примешивалась гарь. Парень остановился перед черным остовом одного из домов: Бастиан сжег его дотла, оставив лишь обугленные бревна. Авре стоял посреди улицы, и единственное, что он по-настоящему чувствовал — это как ледяная вода течет за шиворот. Мертвая тишина деревни страшила его куда меньше, чем верная смерть от холода в этом сером мареве.

Парень не стал обходить все дома. Он зашел к Бастиану, потому что знал: там всегда было тепло. Но кузница встретила его мертвым холодом остывшего горна. Этот холод и стал моментом осознания. Аврелас коснулся наковальни — металл обжег пальцы ледяным ожогом.

Юноша просто сел на пол, привалившись к стене. Дыхание вырывалось изо рта редким паром. Мыслей не осталось. Ни о Бастиане. Ни об Изабель. Ни о тех, кого он мог бы еще найти. За долгий подъем, дождь и пещеру внутри будто выгорело все, кроме тупой усталости.

Аврелас вылил воду из сапога и долго смотрел, как мутная струйка впитывается в холодную золу у горна. Пустота в животе была ощутимее, чем пустота в деревне. Бастиан, Изабель, остальные — они просто перестали быть частью его реальности, как осыпавшаяся со склона порода.

Он не стал звать, не стал обыскивать углы. Жалеть было некого, а бояться — поздно.

Глава 5

Ночь не принесла холода — он уже был внутри.

Аврелас закрыл глаза. Казалось, он сам стал таким же, как зола у погасшего горна: серым, остывшим, бесполезным.

Он нащупал рядом старый мешок. Под пальцами оказалось что-то твердое. Авре хотел подтянуть его к себе, но рука дрогнула и бессильно опустилась.

Время не остановилось. Оно текло медленно, тяжело, будто каждый миг приходилось проталкивать через собственное тело.

Парень открыл глаза. Пустота в животе требовала действия. Он поднялся, опираясь ладонью о холодный камень горна, и поправил пояс. Грязный мешок с барахлом, самодельный кинжал и проклятый меч в ножнах — вот и весь его нынешний вес.

Юноша вышел наружу.

Деревня проплыла мимо серыми пятнами. Пара покосившихся лачуг возле высохшего колодца, стены из трухлявого дерева, дыры в крышах. Все это больше не имело к нему отношения. Аврелас шел, глядя только на серую ленту тропы, пока труха и грязь не сменились жестким переплетением корней.

Лес принял его молча.

Здесь воздух был другим — застоявшимся, пропитанным запахом прелой хвои и сырости. Высокие сосны стояли неподвижно, их кроны смыкались где-то высоко вверху, отсекая остатки вечернего света. Под ногами хрустел валежник, и этот сухой звук был единственным, что нарушало тишину.

Аврелас шел вглубь, не разбирая дороги. Туман клочьями цеплялся за кусты можжевельника, похожие в сумерках на сгорбленные фигуры.

Холод здесь не кусался, он лип к лицу мелкой пылью. Парень поправил ремень сумки, чувствуя, как проклятое железо на поясе мерно бьет по бедру, словно считая шаги.

Запах пришел раньше, чем он увидел цель. Едва уловимый, кислый душок горелого дерева, перемешанный с чем-то жирным. Совсем не тот аромат горна, к которому Авре привык в кузнице.

Он замер, привалившись плечом к шершавому стволу сосны. Кора царапнула щеку, но он не шевельнулся. Прямо перед ним, на небольшой прогалине под вывороченным корнем, чернела стоянка.

Это было недавнее пепелище. Угли еще не успели подернуться серым налетом времени; в самом центре кучи мусора лениво вился тонкий, почти прозрачный волосок дыма. Аврелас подошел ближе, глядя под ноги. Вокруг костра земля была утоптана тяжелыми подошвами.

Рядом с золой он заметил объединенную кость — с обрывками сырого мяса, брошенную прямо в грязь. Кто-то был здесь совсем недавно.

Юноша опустился на одно колено. Он протянул руку к углям, не касаясь их, просто чувствуя остаточное тепло.

Проклятое железо на поясе вдруг стало невыносимо холодным. Кинжал в руке ощущался надежнее, но Авре не спешил его вынимать. Он всматривался в тени между деревьями, пытаясь понять: ушел ли незнакомец или он сейчас смотрит ему в затылок, сжимая в руках такое же ржавое железо.

Тишина за спиной лопнула. Сухой треск сучка, раздавленного тяжелым сапогом — прозвучал резче удара молота по наковальне.

Парень не вскочил. Он замер, все еще касаясь кончиками пальцев теплой золы, чувствуя, как внутри все сжалось в тугой узел. Страх не был благородным — он пах кислым потом и

отдавал горечью во рту. Авре знал, как ломается сталь, но не знал, как ломается кость под весом арбалетного болта.

Из-за кривой сосны, шагах в десяти, выступила тень.

Это был человек, собранный из обносков и грязи. Бывшая серая шинель, выгоревшая до пыльного оттенка, висела на нем мешком, подпоясанная обрывком веревки. Лицо — заросшее, серое, с глазами, в которых лихорадочный блеск мешался с животным испугом. Дезертир, — мелькнуло в голове, — или мародер.

Фигура вскинула арбалет. Старое дерево ложа было все в глубоких царапинах, плечи обмотаны грязными тряпками, чтобы не скрипели, но тетива была натянута. Короткий болт с тусклым, зазубренным наконечником смотрел Авреласу прямо в грудь.

— Не дергайся, парень, — голос у незнакомца был надтреснутый, сиплый, будто он долго молчал или сорвал связки криком.

Аврелас медленно начал подниматься. Колено хрустнуло, и этот звук заставил палец дезертира на спуске дрогнуть. Юноша замер на полувздохе. Рука все еще лежала на рукояти кинжала, но он понимал — против взведенного арбалета его самодельная железка была бесполезна.

Проклятый меч на поясе отозвался на присутствие чужака пульсирующим холодом. Аврелас чувствовал его вес как неподъемный камень, тянущий в землю. Ему хотелось верить, что он сможет уйти, перекатиться, выхватить сталь... Но он просто стоял, глядя на дрожащий наконечник. Он был обычным парнем, который умел ковать, а не убивать, и сейчас это знание жгло его сильнее, чем остатки углей.

— Мне не нужна кровь, — тихо сказал Авре. Голос не слушался, сорвавшись на полутоне. — У меня только ржавчина.

Дезертир облизнул пересохшие губы, не сводя глаз с засаленного мешка Авре.

— Ржавчина нынче в цене, — оскалился тот, делая шаг вперед. Грязный меч в ножнах у него на бедре лязгнул о деревянное ложе арбалета.

Парень поднимался медленно, не отрывая руки от кинжала. В колене снова хрустнуло, и он увидел, как наконечник арбалета в руках дезертира нервно дернулся вверх-вниз.

— Мешок. Медленно, — прохрипел тот.

Глаза у него были красные, воспаленные, в кайме засохшей грязи. Не герой — загнанная крыса, кусающая от безысходности. Авре не ответил. Горло перехватило судорогой. Под подошвой перекачивался рыхлый слой золы и гравия. Рука, все еще черная от земли, незаметно сжалась, загребая горсть едкой смеси.

— В мешке нет ничего ценного, — наконец выдавил Аврелас. Голос был чужим, ломким.

Чужак сделал шаг. Пять шагов до цели — слишком близко для арбалета, слишком далеко для кинжала.

— Показывай.

Парень шевельнулся нарочито неуклюже. Потянул за ремень, делая вид, что мешок зацепился за ножны меча. Он запутался в ремнях, опуская плечо, заваливаясь вперед.

— Заело... погоди, — пробормотал он, сокращая дистанцию еще на полшага.

Дезертир на мгновение опустил взгляд на его путающиеся руки. Этого мига не хватило бы воину, но хватило парню, привыкшему к весу земли. Аврелас швырнул золу прямо в воспаленные глаза.

Хлопок тетивы слился с криком. Болт ушел выше, чиркнув юношу по плечу, раздирая рубаху. В следующий миг он уже навалился на врага всем весом — нескладно, пачкаясь в чужой грязи.

Они рухнули в кострище. Аврелас не думал о приемах. Он просто бил кинжалом туда, где под пальцами было мягко, игнорируя руки, впившиеся в его горло. Это было долго, грязно и тошнотворно. Сталь входила в плотную шинель с неохотой, сопротивляясь, как живое суще-

ство. Под пальцами стало скользко. Дезертир хрипел, выгибаясь, и этот звук — булькающий, рваный — теперь навсегда останется в лесной тишине.

Авре не сразу разжал кулак. Пальцы свело судорогой; рукоять казалась приваренной к ладони. Он тяжело дышал, втягивая сырой воздух с запахом горелой шерсти и меди. Под ним больше не было врага — только куча тряпья, из которой уходила жизнь.

Лес молчал.

Где-то высоко качнулась ветка, стряхнув на угли горсть дождевой воды. Та тихо зашипела и снова наступила тишина.

Аврелас сидел рядом с телом, тяжело втягивая воздух. Сердце все еще колотилось так, будто драка продолжалась, хотя перед ним уже лежал только мертвец.

Он поднялся, пошатываясь. Плечо жгло, но боль была тупой, далекой. Аврелас посмотрел на свои руки: черные от золы, липкие от крови. Никакого триумфа. Только тошнота.

Парень опустился рядом с телом. Нужно было осмотреть то, что оставил мертвец.

Дезертир был тощим, кости обтянуты желтушной кожей. Аврелас начал расстегивать пуговицы его шинели. Пальцы слушались плохо, путались в засаленной ткани. Шинель была грубой, вонючей, пропитанной запахом чужого пота и старого костра, но она была целой — куда теплее его собственной рубахи, превратившейся в лохмотья. Он стащил ее с обмякших плеч, стараясь не смотреть в остекленевшие глаза покойника.

Затем пришла очередь сумки. Внутри нашелся сухарь, твердый как камень, и пара запасных болтов, завернутых в промасленную тряпицу. Аврелас выудил со дна сумки флягу. Тяжелая, обтянутая грубой кожей, она пахла кислым вином и застарелым потом. Он открутил пробку, ожидая удара спиртовых паров, но из горлышка несло только застоявшейся, затхлой водой.

Аврелас сделал глоток. Вода была теплой, с отчетливым привкусом меди и болотной тины. Он заставил себя проглотить эту слизь, чувствуя, как она тяжелым комом падает в пустой желудок. На зубах скрипнул мелкий речной песок. Авре вытер губы рукавом и заглянул внутрь: на дне плавали темные ошметки — то ли куски пробки, то ли какая-то лесная дрянь, попавшая туда, когда дезертир черпал воду из лужи.

Следом — сапоги. Он дергал за задубевшую кожу, пока ноги мертвеца не высвободились с чавкающим звуком. Сапоги дезертира оказались крепче его собственных, с подкованной подошвой, хоть и стоптанной на одну сторону. Аврелас, не раздумывая, сбросил свои промокшие обноски и втиснул ступни в чужую обувь. Она все еще хранила остатки тепла, и это ощущение было самым омерзительным.

Парень стащил и штаны — грубое сукно, стянутое толстыми жильными нитями. Оно воняло потом и старым костром. Переодеваясь прямо над телом, Аврелас чувствовал, как липкая грязь и чужая кровь мажут его собственную кожу, но это не имело значения. Значение имел только слой ткани, отделяющий его от холода леса.

Аврелас замер.

Чужая одежда сидела непривычно. Шинель давила на плечи, сапоги были великоваты, а запах чужого тела не уходил, сколько ни дыши.

Он посмотрел на свои руки. Кровь на них уже начинала подсыхать.

Юноша подобрал арбалет. Тяжелая, неуклюжая штука. Он покрутил его в руках, не понимая, как работает этот механизм, стянутый грязной бечевкой. Для него это было не оружие, а просто сложная железка с деревом. Он не знал, как натягивать тетиву и куда прижимать приклад, чтобы не выбило плечо. Но он не бросил его. В этом мире даже то, чем ты не умеешь пользоваться, имело цену — как товар или как угроза.

Авре закрепил арбалет поверх сумки, где уже лежали запасные болты. Он вытянул из ножен меч дезертира. Это была простая пехотная сталь: широкое лезвие с зазубринами, потем-

невшая гарда и обмотанная стертой кожей рукоять. Оружие, которое понятно любому: оно создано, чтобы рубить мясо и колоть.

Парень посмотрел на свой проклятый меч. Тот казался черным провалом в реальности, поглощающим свет костра, которого не было. Аврелас перевел взгляд на дезертирскую сталь. На мгновение ему захотелось бросить свою ношу здесь, в гнилой хвое, и уйти, забрав этот понятный солдатский тесак.

Авре замахнулся, но рука дрогнула. Чужой меч вдруг показался ему ненастоящим. Он бросил его рядом с мертвецом.

Теперь Аврелас выглядел иначе. В чужом тряпье, в тяжелых сапогах, он стал похож на того, кого только что убил. Парень переложил свое барахло из мешка в трофейную сумку.

Он поднялся, пробуя вес новой обуви на мягкой почве. Аврелас не стал закапывать тело и не стал тушить угли. Он просто развернулся и пошел дальше в чащу, стараясь привыкнуть к тому, как чужая одежда трется о его тело при каждом шаге.

Плечо дергалось. Авре остановился, когда адреналин начал остывать, пропуская вперед тупую, пульсирующую боль.

Болт прошел по касательной, но глубоко. Рана не просто кровоточила — она горела, словно к коже приложили раскаленный прут. Аврелас понимал: в сыром лесу, в грязном тряпье дезертира, любая царапина могла стать смертельной через пару дней. Гниль забирала людей быстрее, чем сталь.

Парень опустил на ствол поваленного дерева. Нужно было что-то делать, пока рука окончательно не занемела.

Авре выудил из сумки кусок чистой ветоши, который прихватил еще из кузницы, и зубами оторвал длинную полосу. Достал кинжал. Лезвие было в бурых разводах чужой крови. Он вытер его о сухую сторону шинели, а затем, зажмурившись, прижал холодный металл к краю раны, проверяя, нет ли внутри щепок от арбалетного ложа или кусков сукна.

Грязь была повсюду: на его руках, на чужой шинели, в самом воздухе.

Парень зубами затянул узел на повязке, перехлестнув ткань через подмышку. Ткань мгновенно потемнела, впитывая кровь, но давление немного притупило боль. Аврелас тяжело выдохнул, чувствуя, как пот катится по виску, оставляя чистые дорожки на испачканном золой лице.

Теперь он пах не только кузницей и лесом. Он пах кровью. Своей и чужой.

Авре осторожно поднялся, придерживая раненое плечо. Арбалет за спиной стал казаться вдвое тяжелее, а чужие сапоги давили на подъемы, напоминая, что он идет в теле мертвеца.

Аврелас понимал: если сейчас не вымыть из раны лесную грязь и ворс от чужой шинели, к рассвету плечо раздуется, и он не сможет поднять даже кинжал.

Он побрел на слух. Лес здесь становился реже, почва под ногами сделалась зыбкой, чавкающей. Наконец, между корнями блеснула черная вода — неширокий ручей, забитый палой листвой и ветками.

Юноша опустил на колени у самого берега. Зубами и здоровой рукой он стянул с себя чужую шинель, морщась от резкой боли, прошившей спину. Рана на плече выглядела скверно: рваные края, багровая корка и налипшая серая труха.

Он зачерпнул пригоршню ледяной воды. Холод был таким острым, что на мгновение дыхание перехватило. Аврелас плеснул водой на плечо, и из горла вырвалось глухое рычание. Он не жалел себя — он просто вычищал плоть, сдирая грязь пальцами, не обращая внимания на то, как свежая кровь тонкими струйками стекает в ручей.

Когда рана стала казаться ему чистой, он вспомнил старый способ, который видел у Изы. Оглядевшись, Авре нашел старую сосну с глубоким шрамом на коре, из которого сочилась густая смола. Живица.

Парень наковырял кинжалом несколько липких комков. Резкий запах ударил в нос, перебывая вонь чужого пота. Аврелас размял смолу пальцами, согревая ее, и, сцепив зубы до хруста, прилепил этот вязкий пластырь прямо на рваное мясо.

Боль вспыхнула с новой силой. Смола будто раскаленным клином вошла под кожу. Она запечатала рану, не давая воздуху и влаге добраться до крови.

Он снова обмотал плечо полосой ветоши, затягивая узел так туго, как только мог. Рука ныла, но пальцы все еще сжимались. Он не умрет. По крайней мере, не сегодня.

Аврелас натянул шинель обратно. Он поднял арбалет, стряхнул с ложа налипшую грязь, и посмотрел вдоль ручья.

Парень чувствовал, как силы вытекают из него вместе с липким теплом под повязкой. Живица жгла кожу, но эта боль была единственным, что не давало ему окончательно провалиться в туман усталости. Ему нужно было уйти от воды — ручей в этом лесу был слишком шумным соседом, за его всплесками легко пропустить шаги другого дезертира или кого-то похуже.

Он нашел место в паре сотен шагов выше по склону. Выворотень старой ели образовал подобие косого навеса. Под ним было сухо, пахло хвоей и старой землей. Авре залез в самую глубину, притиснувшись спиной к шершавому стволу. Каждый вдох отдавался в раненом плече тупым ударом молота.

Парень достал сумку дезертира. Сухарь, твердый как обломок гранита, не поддавался. Авре положил его в рот, позволяя слюне медленно размягчить корку. Вкус был отвратительным — плесень и старая мука, — но желудок отозвался голодным спазмом.

Рядом, в пределах досягаемости здоровой руки, он положил арбалет и свой кинжал. Проклятый меч, прислоненный к корню, казался в этой тесноте лишним, чужеродным телом. Его холод теперь ощущался постоянно, как ледяная игла, приставленная к бедру.

Аврелас жевал медленно, глядя перед собой немигающим взглядом. Сон подкрадывался незаметно, тяжелый и липкий. Он знал, что спать в его состоянии — риск, но тело больше не спрашивало разрешения.

Он подтянул колени к груди, кутаясь в чужую, вонючую шинель. Она была большой, колючей, но она хранила тепло его собственного тела. Глаза закрылись сами собой. Последним, что он почувствовал перед тем, как провалиться в забытие, был запах смолы и железа, вьевшийся в самую кожу.

Глава 6

Парня разбудил удар носком сапога в бедро. Не сильный, скорее брезгливый, каким проверяют, сдохла скотина или еще дышит.

Авре открыл глаза. Над ним стоял человек в такой же засаленной шинели, с лицом цвета сырой земли. В руках он держал обломок копья, используя его как трость.

— Живой, — сказал тот и сплюнул под корень.

Аврелас не вскочил. Он медленно сел, придерживая плечо. Живица намертво присохла к куску ветоши, кожа под ней пульсировала. Рядом стояли еще двое, один ковырял в зубах щепкой, глядя куда-то мимо парня.

— Пятый? — коротко спросил тот, что с копьем, кивнув на номер полка на обшлагах шинели.

Юноша просто кивнул. Горло саднило.

— Мы из Третьего. Идем в овраг, там костер. Вставай, если ноги ходят.

Они не ждали ответа. Повернулись и побрели сквозь кустарник, загребая сапогами палую листву. Авре поднялся, подобрал арбалет, меч и подхватил сумку.

Логово было в старой яме под скалой. Грязный брезент, натянутый на колья, прикрывал костер, который больше дымил, чем грел. Там сидело еще несколько человек. Они не обернулись на пришедших. Один точил нож о плоский камень, другой пытался вытряхнуть что-то из сапога.

— Нашли под елью, — бросил проводник, усаживаясь у огня. — Раненый.

Авре сел с краю, на мокрое бревно. Плечо ныло. Он положил арбалет на колени, не зная, с какой стороны к нему подступиться, если спросят. Проклятое железо на поясе тянуло вниз, становясь неподъемным рядом с этим сбродом.

Ветеран, с мутными от вечного недосыпа глазами, посмотрел на него.

— Болты есть?

— Два, — ответил Аврелас.

— Мало. Ладно, сиди. Вечером решим, куда тебя деть.

В лагере было тихо. Здесь не травили байки. Слышалось только шипение сырых дров и скрежет камня по металлу — кто-то монотонно правил зазубренный тесак.

Авре сидел чуть в тени, подальше от дыма. Плечо дергало, под шинелью становилось мокро и горячо. Он чувствовал, как чужая одежда липнет к коже, смешивая его кровь с чужим потом.

Один из дезертиров, сидевший напротив, лениво кивнул на арбалет:

— Замок не заедает? Тряпьем перемотан, будто в нем дух едва держится.

Юноша невольно сжал пальцы на дереве ложа. Холодный пот выступил на лбу. Он не знал, как проверить замок, не выстрелив себе в ногу или не показав, что он впервые держит эту штуку в руках.

— Стреляет, — коротко бросил он и сразу отвел взгляд, делая вид, что занят сумкой.

В углу под брезентом лежала гора хлама. Аврелас присмотрелся: обломки инструментов, погнутые котелки, ржавые части конской упряжи. Железо. Такое же мертвое, как в тайнике, но здесь оно было облеплено грязью и запекшейся кровью.

Проклятый меч на поясе словно стал горячим. Холод сменился тяжелым, тягучим давлением. Авре поправил ремень, пытаясь унять эту вибрацию металла, которая, казалось, была слышна в тишине оврага.

— Эй, — старший сплюнул в костер. — Глянь котел. Сможешь заклепать?

Он не спрашивал. Он проверял.

Парень посмотрел на котелок, брошенный ему под ноги. Дыра в дне была размером с палец. Для него это была минутная работа, но сейчас, с раненым плечом и среди людей, которые убьют его за лишний сухарь, это превращалось в испытание.

Аврелас медленно потянулся к котелку, стараясь не выдать судорогой раненое плечо. Железо отозвалось привычной тяжестью, но пальцы слушались плохо, стали чужими. Он взял небольшой молоток и оправку, которую ему кинул один из дезертиров.

Положив котелок на плоский камень, он начал аккуратно выравнивать края пробоины. Глухие удары металла о металл вязли в воздухе оврага. Нужно было найти хоть какой-то обрезающий жест. Парень кивнул на груды хлама:

— Отрежь кусок от того ковша, — голос звучал хрипло, — иначе не заклепаю.

Пока он возился, вминая края заплатки в дно и чувствуя, как пот щиплет рану под шинелью, дезертиры вернулись к разговору.

— На север надо забирать, — подал голос тот, что сидел с краю, кутаясь в драный плащ. — За перевал. Там леса густые, в них полк спрятать можно, не то что нас пятерых. Переждем, пока лихорадка утихнет, а там к вольным поселениям выйдем.

Разговор на мгновение оборвался. Тишина не была внезапной — она навалилась постепенно, как туман. Слышно было только, как трещит сушняк в костре и как Авре мерно вбивает заклепку, стараясь не смотреть на меченого, что сидел напротив. Тот смотрел в огонь, и в его глазах отражались багровые угли.

— На север... — повторил старший, и в его голосе прорезался ломкий смешок. — Ты, малый, видать, только по трактам маршировал, раз такие сказки любишь.

Он обернулся к лесу, черневшему за краем оврага, и понизил голос до шепота.

— На севере сейчас не леса, а кости. Говорят, оттуда твари спустились. Те, что ростом с молодую сосну, а кожа у них — как старая кора, мечом не просечешь. Они не убивают сразу. Они тебя, как яблоко, надкусывают и ждут, пока ты соком изойдешь, чтобы свежим сожрать. Живьем перемалывают, кость за костью, а ты еще кричишь, пока они из тебя внутренности тянут.

Аврелас замер. Молоток завис в паре дюймов от котелка. Вибрация проклятого меча на поясе стала почти невыносимой, будто металл радовался, слыша об этом.

— Брехня это, — неуверенно буркнул сторонник севера, но сам потянулся к ножу на поясе.

— Брехня? — старший сплюнул в костер, и пламя на миг посинело. — Ну, иди. Проверь.

Слова о великанах, пожирающих плоть, еще дрожали в сыром воздухе, когда из-за гребня оврага приполз звук. Он не был похож на эхо сказанного — скорее, он был его жутким продолжением. Это был не топот и не лязг, а вязкое, многоголосое копошение, словно по прелой листве волокли что-то огромное и рыхлое. Бессвязный гул накатывал волнами: хрипы, тяжелое дыхание и шуршание десятков ног, не знающих строя.

Дезертир, предлагавший идти на север, застыл с открытым ртом, так и не успев возразить. Его лицо, только что багровое от спора, в один миг стало серым, как пепел в костре. Старший медленно, не сводя глаз с темной кромки оврага, опустил ладонь на землю, будто пытаясь нащупать дрожь земли от шагов тех, о ком он только что предупреждал. Гул становился плотнее. Теперь в нем отчетливо слышалось хлюпанье грязи и нечленораздельное бормотание — так могли бы звучать люди, у которых во рту вместо языка осталась лишь запекшаяся кровь.

Аврелас почувствовал, как меч на поясе из горячего превратился в ледяной костыль. Холодный пот, выступивший от боли в плече, теперь застыл коркой. Около тридцати глотков выдавали этот единый, монотонный шум, от которого в овраге стало тесно. Они шли не таясь, просто сминая лес своим весом. Металл в руках парня дрогнул — котелок едва не выскользнул, и этот звук в навалившейся тишине показался ему громом.

Первая фигура отделилась от древесного мрака почти бесшумно. Женщина. Тряпье, когда-то бывшее платьем, висело на ней грязными ошметками, облепив иссохшее тело. Она просочилась в круг света от костра, замерев на самом краю оврага. Лицо, замазанное слоями старой пыли и копоти, казалось маской, на которой горели два безумных глаза.

Она обвела дезертиров и замершего парня пустым взглядом, в котором не было ни страха, ни узнавания. Внезапно ее пальцы — костлявые, с обломанными черными ногтями — взметнулись к лицу. С диким, животным усилием она впиалась ими в собственную глазницу. Аврелас услышал влажный звук, от которого к горлу подступила тошнота. Женщина не закричала; она лишь глухо зашипела, выдавливая глазное яблоко, будто совершала давно заученный ритуал.

За ее спиной тьма вскипела. Из-за деревьев, ломая кусты и спотыкаясь о корни, хлынула остальная толпа. Около тридцати теней — такие же оборванные, покрытые коростой и грязью, с лицами, превращенными в кашу из безумия и боли. Они не бежали в атаку, они просто валились вперед, единой массой, заполняя овраг своим зловонным дыханием и бессвязным воем.

— Назад! — старший рванул меч из ножен, но лезвие звякнуло о камень, когда он попятился. — Пятясь к склону!

— Она же... сама себе... — меченый захлебнулся словами, глядя, как по щеке женщины в тряпье течет темная струя. — Вали ее! Стреляй, мать твою!

— В кого?! — заорал дезертир с арбалетом, вода дрожащим наконечником по массе тел. — Их там целая орава! Гляди, они прут прямо на огонь!

— Бей в колено! Сбивай с ног! — ветеран наконец перехватил рукоять, но голос его сорвался на хрип. — Это просто шваль деревенская!

Толпа за спиной женщины не издала ни боевого клича, ни команды. Слышно было только, как десятки ног месят грязь и как кто-то в первых рядах надсадно втягивает воздух. Толпа навалилась скопом, бездумно и тяжело, просто выдавливая дезертиров с их насиженного места к самой стене оврага.

Они не нападали — они просто занимали пространство, как прибывающая вода, не считаясь с тем, что их плоть рвется о выставленные клинки.

Авре не успел встать. Грязевой поток из тел обрушился в овраг раньше, чем он сообразил бросить котелок. Один из нападавших — грузный мужчина с косматой бородой и белесыми глазами — просто вывалился из темноты прямо на него.

Все произошло вязко, как в дурном сне. От мужчины разило кислотой и старой мочой. Аврелас дернулся назад, раненое плечо прострелило острой болью, и он, почти не глядя, выхватил из-под шинели меч.

Сталь вошла мягко, почти без сопротивления. Мужчина навалился всей массой, насаживаясь на клинок, и Авре почувствовал, как чужое тепло хлынуло ему на пальцы.

На мгновение время замерло. Нападавший не вскрикнул, не попытался вытащить лезвие. Он просто продолжал смотреть сквозь юношу, его руки судорожно шарили по плечам парня, пытаясь то ли обнять, то ли вцепиться в горло. Авре вжался спиной в холодную землю, парализованный этой близостью. Он только что убил человека, но не чувствовал триумфа — только липкое замешательство. Почему тот не защищался? Почему лез на меч, как скотина на нож?

Металл с всхлипом вышел из плоти. Тело мужчины обмякло, заваливаясь в сторону, но за его плечом уже маячила следующая фигура. Дезертиры рядом что-то орали, звенела сталь, но для него мир сузился до этого пятна крови на руках и взгляда покойника.

Авре судорожно дернул ногой, вырываясь из-под осевшего тела. Сапог скользнул по мокрой траве, испачканной тем, что только что было живым человеком. Шорох шагов и хриплое дыхание толпы теперь заполняли весь овраг, вытесняя воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.